

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

На годъ—5 руб.; на полгода—2 руб.; 50 коп. на 3 мѣсяца—1 руб.; 50 коп. на 1 мѣсяць—50 коп.

Адрес: Главной Конторы: Спб., Фонтанка 80. Телеф. 514-27. и 524-62. Редакции: Спб., Литерейный пр. 57. Телеф. 171-91.

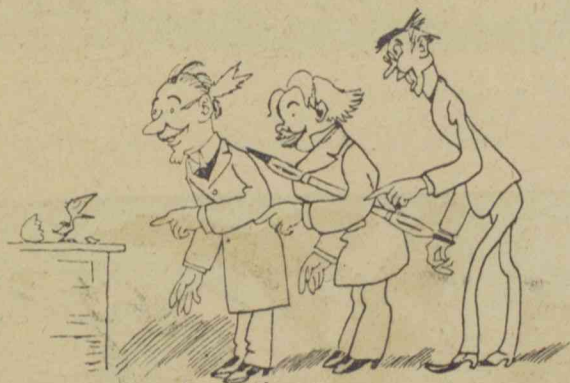

НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Вотъ какъ это было.

На столѣ сидѣлъ маленькій-маленькій галченочъ. Онъ только что вылупился изъ яйца, и видъ у него былъ такой жалкій, точно судьба предназначала ему вѣчно видѣть надъ собой вмѣсто голубого неба пото-

Писатель художникъ МЕТРОПОЛЪ.

локъ карьера, а его балльничъ рѣшила сдѣлать кладовой для единицъ и двоекъ всей гимназій.

Ну, словомъ, это было такое несчастное существо, что просто жалость было смотрѣть.

Около него съ озабоченнымъ видомъ стояли трое людей, на видъ самыхъ обыкновенныхъ людей. Обойдите вы ихъ кругомъ, смотрите на нихъ хоть три часа, и сверху, и снизу, и съ боковъ, и черезъ очки и просто, прищуривши глаза и не прищуривши,—вы не нашли бы никакой разницы между ними и сотнею другихъ людей... Ни за что бы не нашли!

А на самомъ дѣлѣ, люди эти были не простые. Одинъ изъ нихъ могъ заставить васъ позабыть о суровой зимѣ и дать вамъ лѣто, раздвинуть стѣны вашей комнаты и показать вамъ весь міръ, чудный, прекрасный міръ, превратить вашъ ранецъ въ живое существо, изъ кожи котораго онъ сдѣланъ, вашъ перочинный ножъ—въ кинжалъ, заставить блуждать васъ по лѣсамъ, могъ представить васъ старому индѣйцу—«Соколиному Глазу», который научитъ васъ выслѣживать бизоновъ, по мху на деревьяхъ опредѣлять гдѣ

сѣверъ и гдѣ югъ, научитъ васъ тысячамъ вещей, о которыхъ вы и понятія не имѣли,—такимъ интереснымъ, такимъ необыкновеннымъ вещамъ, что они ночью вамъ снятся будутъ.

Отъ этого чело-вѣка вы узнаете, что на свѣтѣ не одна только дорога между вашимъ домомъ и

гимназіей, а что есть десятки тысячъ верстъ дорогъ, дорожекъ и тропинокъ,—неустанныхъ камнями дорогъ, прекрасныхъ и опасныхъ, и на нихъ не стоитъ воспитатель, которому вы могли бы пожаловаться на обидѣвшего васъ звѣря или злого чело-вѣка... Эти дороги тянутся среди безводныхъ степей, среди лѣсовъ, среди горъ, освѣщаетъ ихъ великое солнце, проносятся надъ ними грозы, свѣтятъ надъ ними звѣзды, бродятъ по нимъ могучіе звѣри, летаютъ надъ ними прекрасныя птицы—словомъ, красота и чудо!..

Узнаете вы, что не у всѣхъ лежитъ въ ранцѣ готовый завтракъ, покорно дожидаящийся большой перемѣны (если только вы раньше, закрывшись крышкой парты отъ взоровъ учителя, не съѣдите его)—нѣтъ, есть завтраки и обѣды, которые лазаютъ по деревьямъ, мчатся, сломя голову, по степямъ, и если у васъ нѣтъ

хитрости и умѣнья превратить ихъ въ завтракъ, они сами превратятъ васъ въ свой завтракъ.

Вотъ какой чело-вѣкъ стоялъ около галченка и смотрѣлъ на него.

Вы, конечно, уже догадались, кто это былъ?!

Да... это былъ писатель.

Онъ посмотрѣлъ на птенца и проговорилъ:

— Хотя видъ у тебя такой жалкій, что даже маленькій котенокъ не повязалъ бы салфетки, чтобы позавтракать тобой, все же ты можешь окрѣпнуть, и я помогу тебѣ въ этомъ. Разъ, два, три... не вертись! Я воткну въ тебя мои перья. Они часто помогали моей фантазіи летать по бѣлу-свѣту, помогутъ и тебѣ!

Галченочъ пискнулъ и приоткрылъ одинъ глазъ. Тогда подошелъ къ птенчику другой чело-вѣкъ, на видъ тоже ничего особеннаго не представляющій (сами посмотрите, рисунокъ изображаетъ его очень точно)—чело-вѣкъ, какъ чело-вѣкъ.

Но и этотъ чело-вѣкъ умѣлъ дѣлать чудеса. Простую бѣлую бумагу, изъ которой даже стрѣлы хорошей не вышло бы, онъ могъ превратить въ драгоценность, и вы не бросили бы ея, а повѣсили на стѣнку, да еще и въ рюмочкѣ.

Да, конечно, это былъ волшебникъ:

Изъ дремучихъ лѣсовъ, изъ глубины морей,

заставляетъ появляться онъ животныхъ, и они останавливаются, какъ вкопанные, на листахъ бумаги, по его желанію. Негровъ, индѣйцевъ, самоѣдовъ, онъ заставляетъ смотрѣть на васъ со страницъ журнала.

Яркія молніи сверкаютъ на темномъ небѣ, море бурлитъ, тонетъ корабль, гибнутъ матросы...

Пустыня,—песокъ да небо. Около умирающаго верблюда лежитъ бедуинъ, не шевелится. Яркимъ пятномъ выдѣляется его бѣлый бурнусъ на желтомъ пескѣ.

И вотъ—все это могъ изобразить этотъ человекъ, потому что лучшими его друзьями были фантазія и талантъ. Посидитъ онъ часъ — другой надъ бѣлой бумагой, поводитъ своей искусной рукой—и вотъ, всѣ эти картины передъ вами, въ вашей комнатѣ, —развѣ это не чудо!

Вы, конечно, уже сами догадались, что этотъ человекъ—художникъ.

Онъ посмотрѣлъ на птенчика и сказалъ:

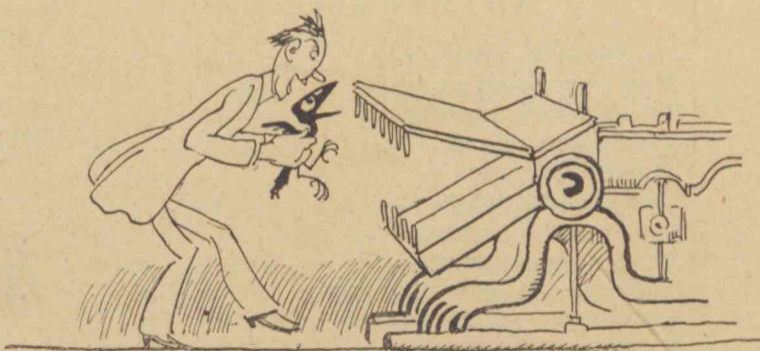
— Нельзя сказать, чтобы твой ликъ, паренекъ, вызывалъ желаніе никогда съ тобой не разставаться. Видъ у тебя сѣрый, перья торчатъ во всѣ стороны, и ты напоминаешь мнѣ плохо сшитую подушку, въ которую, какъ попало, по-
натыкали зубчистокъ. Но я сдѣлаю тебя красивымъ и элегантнымъ, потому что ты долженъ развивать художественный вкусъ своихъ читателей!

Онъ взялъ литографскій валикъ, помазалъ его краской и сталъ причесывать галченка, какъ заправскій парикмахеръ.

Вотъ сами посмотрите, какимъ красавцемъ сталъ Галченкокъ! (См. стр. 2).

Третій человекъ былъ метранпажъ,—человекъ тоже не совсѣмъ обыкновенный. Самыя страшныя тысячепудовыя машины слушались его, какъ маленькія дѣти няню. И не мудрено: онъ знаетъ каждую гайку, каждый винтикъ такъ же, какъ первый ученикъ знаетъ свой урокъ. Если бы не онъ—ряды буквъ не стояли бы шеренгой, какъ brave солдаты, а ва-
лились бы, какъ попало, точно солдаты въ безпорядкѣ, убѣгающіе отъ своего врага; рисунки и виньетки стояли бы и вкривь и вкосъ, и художнику, и писателю, ой, ой, какъ круто пришлось бы безъ метранпажа.

Человекъ онъ нужный, и хлопотъ у

него полонъ ротъ,—хоть отбавляй (оттого-то онъ и на рисунокъ такимъ худымъ изображень).

Метранпажъ взялъ Галченка, погладилъ его и сказалъ:

— Не бойся, малый, я тебя сейчасъ суну въ машину. Правда, она потискаетъ тебя немного, но зато ты выйдешь изъ-подъ ея валовъ не одинъ, а со своими братьями-галчатами.

Страшно стало Галченку. Смотритъ машина на него своими блестящими винтами, колесомъ своимъ гудитъ:

— А вотъ я тебя сейчасъ попробую—пожую!

Сунулъ метранпажъ Галченка прямо ей въ пасть, жадно раскрытую.

— У-у-х...—загудѣла машина, заухала и начала выбрасывать листъ за листомъ, листъ за листомъ... одна тысяча... вторая... третья... тридцатая. Зашелестѣли листья-галчата, точно говорятъ: прочтите насъ, прочтите насъ!

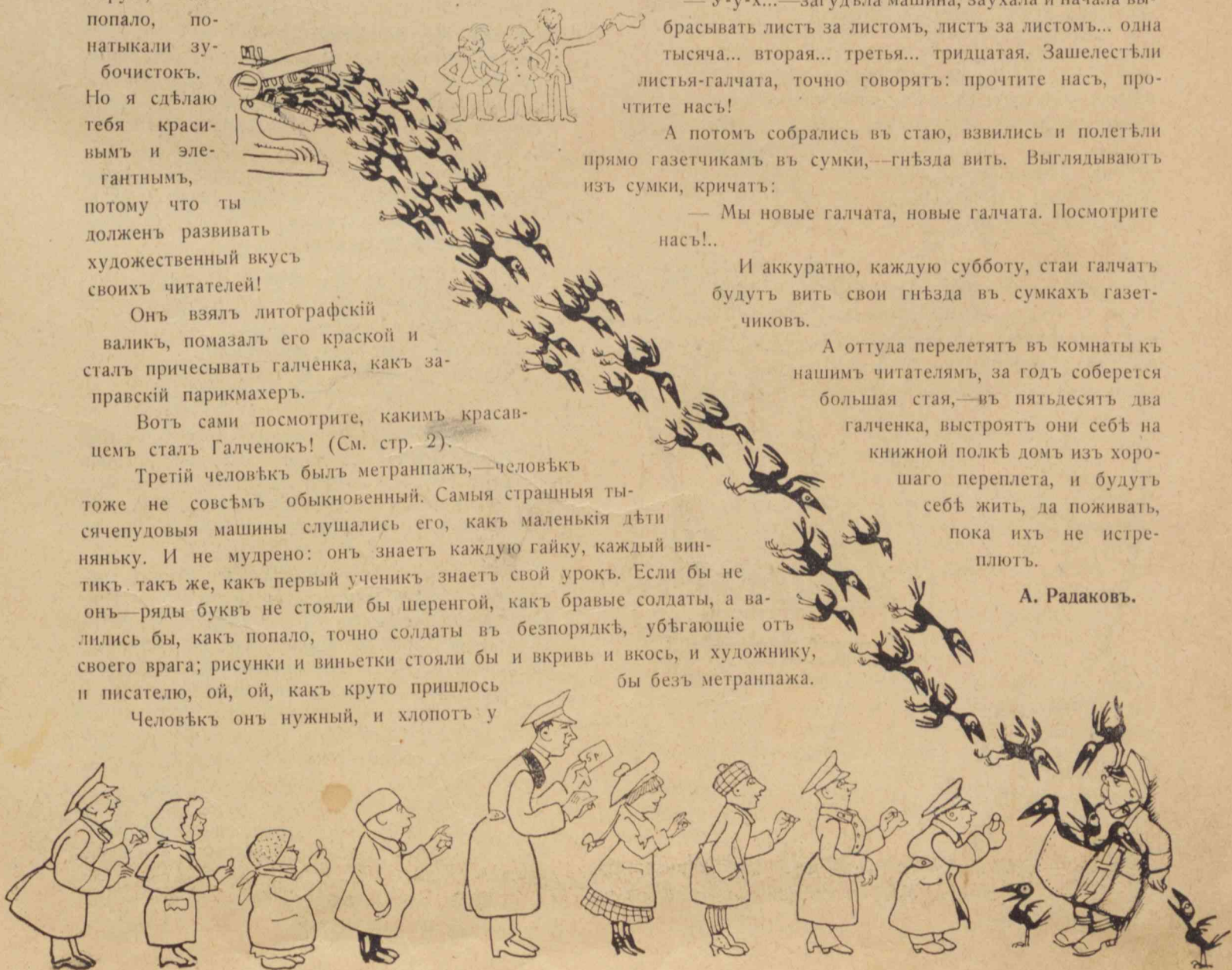
А потомъ собрались въ стаю, взвились и полетѣли прямо газетчикамъ въ сумки,—гнѣзда вить. Выглядываютъ изъ сумки, кричатъ:

— Мы новые галчата, новые галчата. Посмотрите насъ!..

И аккуратно, каждую субботу, стаи галчатъ будутъ вить свои гнѣзда въ сумкахъ газетчиковъ.

А оттуда перелетятъ въ комнаты къ нашимъ читателямъ, за годъ соберется большая стая,—въ пятьдесятъ два галченка, выстроятъ они себѣ на книжной полкѣ домъ изъ хорошаго переплета, и будутъ себѣ жить, да поживать, пока ихъ не истре-
пятъ.

А. Радаковъ.

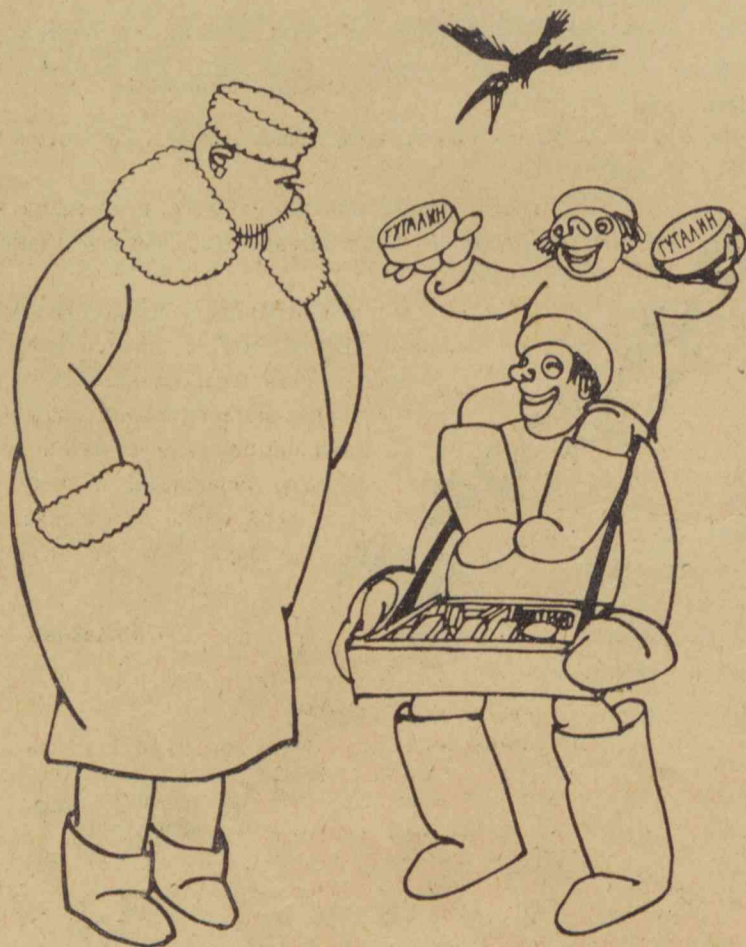

У АНТИКВАРІЯ.

Диковинная лавка,—
Чего тамъ только нѣтъ!
На краюшкѣ прилавка
Фарфоровая пара —
Старая-престарая —
Танцуетъ менуэтъ.
А рюмочки и чашки, —
Тоже старикашки, —
Поближе къ стѣнкѣ стали,
Чтобъ ихъ не задѣвали,
И съ тихою тоской
О юности былой
Толкуютъ межъ собой.
Паркетъ въ лавченкѣ съ тресками,
Шныряютъ крысы шустро,
И звякаетъ подвѣсками
Старенькая люстра.
Подъ сквозняками рѣзкими
Все звякаетъ подвѣсками
Простуженная люстра...
А тамъ, гдѣ блеклый строй
Фаянсовыхъ фигурокъ,
На полочкѣ одной,
Надъ суетой земной
Качаетъ головой
Вылинявшій турокъ.

М. Моравская.

НОВЫЙ МЮРЪ И МЕРИЛИЗЪ.

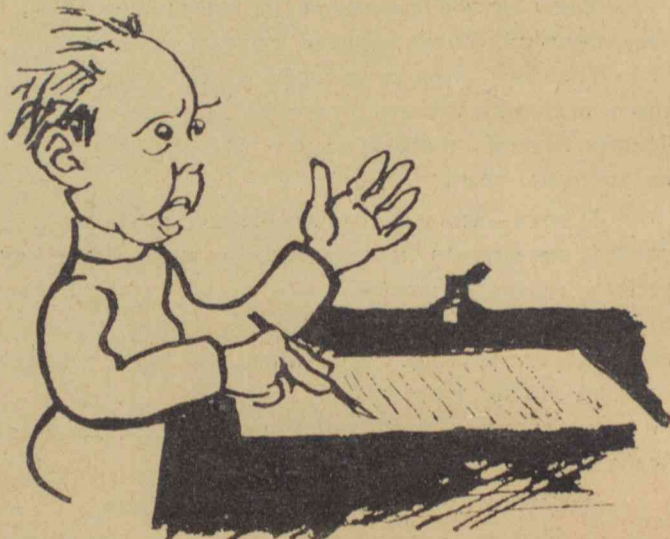
— Дай-ка, мальчикъ, мнѣ банку гуталина.

— За этимъ, будьте любезны обратиться во второй этажъ.

СЕРЕЖКИНЪ РУБЛЬ.

Глава I. Какъ его заработали.

Звали этого маленького продувного человѣчка: Сережка Морщинкинъ, но онъ самъ былъ не особенно въ этомъ увѣренъ... Колебанія его отража-

лись даже на обложкахъ истрепанныхъ тетрадокъ, на которыхъ иногда было написано вкривь и вкосъ — то:

«Сергей Морщинкинъ».

То:

«Сѣргей Мортчинкенъ»...

Эта неустанная, суровая борьба съ буквой «ѣ» не мѣшала Сережкѣ Морщинкину изрѣдка писать стихи, вызывавшіе изумленіе и ужасъ въ тѣхъ лицахъ, которымъ эти стихи подсовывались.

Писались стихи по совершенно новому способу... Таковы, напримѣръ, были Сережкины знаменитыя строфы о пожарѣ, устроенномъ сосѣдской кухаркой:

До сосѣдей вдругъ донесся слухъ,
Что въ домѣ номеръ три, въ кух-
нѣ, горѣлъ большой огонь,
Который едва-едва потушили!
Кухарку называли «дурой» миллі
Онъ разъ, чтобъ она смотрѣла лучше.

За эти стихи Сережкина мать оставила его безъ послѣобѣденнаго сладкаго, отецъ сказалъ, что эти стихи позорятъ его сѣдую голову, а дядя Владя выразилъ мнѣніе, что любая извозчичья лошадь написала бы не хуже.

Сережка долго плакалъ въ сѣняхъ, за дверью, твердо рѣшивъ убѣжать къ индѣйцамъ, но черезъ полчаса его хитрый, изобрѣтательный умишко заработалъ въ другомъ направленіи... Онъ прокрался въ дѣтскую, заперся тамъ, и послѣ долгой утомительной работы вышелъ, торжественно размахивая надъ головой какой-то бумажкой.

— Что это?—спросилъ дядя.

— Стихи.

— Твои? Хорошіе?

— Да, это ужъ, братъ, почище тѣхъ будутъ,—важно сказалъ Сережка. — Самые лучшіе стихи.

Дядя засмѣялся.

— А ну—прочти-ка.

Сережка взобрался съ ногами на диванъ, принялъ позу, которую никто, кромѣ него, не нашелъ бы удобной, и, сипло откашлявшись, прочелъ:

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній первый громъ,
Бразды пушистыя взрывая
Летитъ кибитка удалая...
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, синемъ кушачкѣ...
Ему и больно и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно.

— Гм!..—сказалъ дядя.—Немного безтолково, но рифма хорошая. Можетъ, списалъ откуда нибудь?

— Ужъ сейчасъ и списалъ!—возразилъ Сережка, ерзая по дивану и пытаясь стать на голову.—На васъ развѣ угодишь?

Дядя былъ въ великолѣпномъ настроеніи. Онъ схватилъ Сережку, перевернулъ его, привелъ въ обычное положеніе и сказалъ:

— Такъ какъ всѣ поэты получаютъ за стихи деньги—получай! Вотъ тебѣ рубль.

Отъ восторга Сережка даже поблѣднѣлъ.

— Это... мнѣ? И я могу сдѣлать, что хочу?

— Что тебѣ угодно. Хоть домъ купи или пару лошадей!

Въ эту ночь Сережкѣ спалось очень плохо—рубль, сулившій ему тысячи разныхъ удовольствій и благъ, будилъ хитроумнаго мальчишку нѣскольکو разъ.

Глава II. Сдѣлка.

Утромъ Сережка всталъ чуть-ли не на разсвѣтъ, хотя въ гимназію нужно было идти только въ девять часовъ. Выбрался онъ изъ дому въ восьмомъ часу и долго бродилъ по улицамъ, обураваемый смутными, но прекрасными мыслями...

Зайдя за уголъ, онъ вынулъ рубль, повертѣлъ его въ рукахъ и сказалъ самъ себѣ:

— Интересно, сколько получится денегъ, если я его размѣняю.

Зашелъ въ ближайшую лавочку. Размѣнялъ.

Дѣйствительно, по количеству—монетъ оказалась цѣлая уйма—чуть-ли не въ семь разъ больше... но качество ихъ было очень низкое—маленькія, потеряныя монетки, совсѣмъ не напоминавшія

большой толстый увѣсистый рубль.

— Скверныя деньжонки, — рѣшилъ Сережка.— Ихъ тутъ столько, что немудрено одну монетку и потерять... Размѣняю-ка я ихъ обратно.

Онъ зашелъ въ другую лавченку съ самымъ озабоченнымъ видомъ.

— Размѣняй-те, пожалуйста, на цѣлый рубль.

— Извольте-съ.

Новая мысль озарила Сережину голову.

— А можетъ... у васъ бумажный есть?

— Рублевокъ не имѣется. Есть трехрублевки.

— Ну, дайте трехрублевку.

— Это за рубль-то?! Проходите, молодой человекъ.

Опять въ Сережиномъ карманѣ очутился толстый тяжелый рубль. Осмотрѣвъ его внимательно, Сережка одобрительно кивнулъ головой:

— Даже лучше. Новѣе того. А много можно на него сдѣлать: купить акварельныхъ красокъ... или пойти два раза въ циркъ на французскую борьбу (при этой мысли Сережка согнулъ правую руку и, наморщивъ брови, пощупалъ мускулы)... а то можно закупить пирожныхъ и съѣсть ихъ сразу, не вставая. Пусть послѣ будетъ болѣть желудокъ—ничего—живешь-то вѣдь одинъ разъ!

Въ это время кто-то сзади схватилъ Сережку сильной рукой за затылокъ и такъ сжалъ его, что Сережка взвизгнулъ.

— Смерть приготоуишкамъ! — прорычалъ зловѣщій голосъ.—Смерть Морщинкину!

По голосу Сережка сразу узналъ третьеклассника Тарарыкина, перваго силача третьяго и даже червертаго класса—драчуна и забіяку, наводившаго ужасъ на всѣхъ благомыслящихъ людей первыхъ трехъ классовъ.

— Пусти, Тарарыкинъ,—прохрипѣлъ Сережка, безпомощно извиваясь въ желѣзной рукѣ дикаго Тарарыкина.

— Скажи: «пустите, дяденька»!

— Пустите, дяденька.

Удовлетворивъ такимъ образомъ свое неприхотливое честолюбіе, Тарарыкинъ дернулъ Сережку за ухо и отпустилъ его.

— Эхъ, ты—«Морщинка—тараканья личинка»! Хочешь такъ: ты ударь меня по спинѣ, какъ хочешь, десять разъ, а я тебя всего одинъ разъ! Идешь?

Но многотумная голова Сережки работала уже въ другомъ направленіи. Необъятныя радужныя перспективы рисовались ему.

— Слушай, Тарарыкинъ,—сказалъ онъ послѣ долгаго раздумья.—Хочешь получить рубль?

— За что?—оживился вѣчно голодный прожорливый третьеклассникъ.

— За то, что я тебя нарочно для примѣра поколочу при всѣхъ на большой перемѣнѣ.

— А тебѣ это зачѣмъ?

— Чтобъ меня всѣ боялись. Будутъ всѣ говорить: разъ онъ Тарарыкина вздулъ, значитъ, съ малымъ связываться опасно. А ты получишь рубль... Можешь на борьбу пойти... красокъ купить коробку...

— Нѣтъ, я лучше пироговъ куплю по три копѣйки тридцать три штуки.

— Какъ хочешь. Идешь?

Въ Тарарыкинѣ боролись два чувства: самолюбіе перваго силача и желаніе получить рубль.

— Чтожъ, братъ... А если я тебѣ поддамся, такъ меня ужъ всякій и будетъ колотить?

— Зачѣмъ? — возразилъ сообразительный Сережка.—Ты другихъ лупи попрежнему. Только пусть я силачемъ буду. А пироги-то... Вѣдь ты ихъ цѣлый мѣсяцъ ѣсть будешь!

— Недѣлю. Эхъ, Морщинка — собачья начинка—соглашаться, что-ли?

Сережка вынулъ рубль и сталъ съ искусственнымъ равнодушіемъ вертѣть его въ рукахъ.

— Эхъ!—застоналъ Тарарыкинъ.—Пропaday моя славушка, досвиданья-съ, моя силушка! Согласень!

И размахнувшись, шлепнулъ Сережку ладонью по спинѣ.

— Чего-жъ ты дерешься?

— Такъ, вѣдь, чудакъ же: это въ послѣдній разъ. Потомъ ужъ ты меня колошматить будешь.

И, утѣшившись такимъ образомъ, Тарарыкинъ спряталъ рубль въ карманъ старыхъ, запятнанныхъ чернилами всѣхъ цвѣтовъ, брюкъ...

Глава III. Драка.

Ликующе прозвенѣлъ звонокъ на большую перемену, и широкая волна сѣрыхъ гимназическихъ курточекъ и фуражекъ вылилась на громадный гимназическій дворъ. Поднялся визгъ, крики и веселая суматоха.

Честный юноша Тарарыкинъ выбралъ группу учениковъ побольше, приблизился съ самымъ невиннымъ лицомъ и сталъ любоваться на состязаніе Мухина и Сивачева, ухитрившихся подбрасывать мячъ ногами, безъ помощи рукъ.

— Попробуй, Тарарыкинъ,—предложилъ Сивачевъ.

Въ это время юркій Сережка Морщинкинъ пробрался между ногъ взрослыхъ учениковъ, просунулъ свой носъ впередъ и пропищалъ самымъ вызывающимъ образомъ:

— Куда этому Тарарышкѣ прыгнуть—у него сейчасъ и ноги отвалятся!

— Ты-ы! — угрожающе зарычалъ Тарарыкинъ.—Знай, съ кѣмъ говоришь! Котлету изъ тебя сдѣлаю.

— Котлету? Ахъ, ты, кухарка свинячья.

— Отойди лучше, Морщинка—получишь по затылку.

— Очень я тебя боялся,—лихо захохоталъ Сережка.—Попробуй-ка, тронь только!

— Да и трону,—проворчалъ Тарарыкинъ.

— А ну, тронь.

— А что-жъ ты думаешь—не трону?

Сережка сталъ въ боевую позу плечомъ-къ-плечу съ громаднымъ Тарарыкинымъ и, задрвавъ голову, сказалъ иронически:

— Тронь только—кто тебя у меня отнимать будетъ?

Кругомъ засмѣялись.

— Ай-да Морщинка! Смотри, Тарарыкинъ, не струсъ!

— Ну, что-жъ ты, Тартарарыка—небось, только на маленькихъ силачъ. До меня-то и дотронуться боишься.

— Я? Тебя? Боюсь? На-жъ тебѣ, получай!

Тарарыкинъ съ силой размахнулся, но ударилъ по Сережкиной груди такъ, что тотъ даже не пошатнулся.

— Съѣлъ?

— Это, братъ, мнѣ ничего, а вотъ ты по-пробуй!

Сережка взмахнулъ маленькимъ кулачкомъ и—о чудо! Къ ужасу и изумленію всѣхъ присутствующихъ, верзила Тарарыкинъ отлетѣлъ шаговъ на пять. Какъ всякій неопытный актеръ, честный Тарарыкинъ «переигралъ», но простодушная публика не замѣтила этого.

— Ого! Ай-да, Сережка!

Тарарыкинъ съ трудомъ всталъ, сдѣлалъ преувеличенно страдальческое лицо и, держась за бокъ, захромалъ по направленію къ Сережкѣ.

— А-а, такъ ты такъ-то?

— Да-съ! Вотъ такъ!—нахально сказалъ Сережка.—На-ка еще, братъ!

Вторымъ ударомъ онъ снова сбилъ хныкавшего Тарарыкина и, насѣвъ на него, принялся обрабатывать толстую Тарарыкинскую спину своими кулачками.

Всѣ были изумлены до чрезвычайности.

Когда избитый, стонущій Тарарыкинъ поднялся, всѣ обступили его:

— Тарарыка! Что это съ тобой? Какъ ты ему поддался?

— Кто-жъ его зналъ,—отвѣчалъ добросовѣстный Тарарыкинъ.—Вѣдь это здоровякъ, какихъ мало. У него кулаки—желѣзо. Когда онъ меня свиснулъ первый разъ, я думалъ, что ноги протяну.

— Больно?

— Попробуй-ка. Завяжись самъ съ нимъ. Ну его къ Богу. Я его теперь и не трону больше...

Глава IV.

Послѣ побѣды.

Тарарыкинъ честно заработалъ деньги. Сережка сдѣлался героемъ дня. Вѣсть, что онъ поколотилъ Тарарыкина и что тотъ, какъ приговоришка, плакалъ (послѣднее было уже прибавлено восторженными поклонни-

ками)—эта вѣсть потрясла всѣхъ. Результаты Серезкинаго подвига не замедлили сказаться.

Къ упоенному славой Серезкѣ подошелъ первоклассникъ Мелешкинъ и принесъ ему горькую жалобу.

— Морщинкинъ! Ильяшенко дерется — дай ему хорошенько, чтобы не заносился.

— Ладно! — нахмурился Серезка. — Я это устрою. А что мнѣ за это будетъ?

— Булку дамъ съ ветчиной и четыре шеколадины въ серебряной бумажкѣ.

— Тащи!

Потомъ подошелъ Португаловъ.

— Здравствуй, Серезка. Сердишься?

— А то нѣтъ? Свинья ты! Жалко было цвѣтныхъ карандашей, что-ли? Обожди! Попадешь ты мнѣ на нашей улицѣ!..

Португаловъ поблѣднѣлъ и, похлопавъ Серезку по плечу, сказалъ:

— Ну, будетъ. Притащу завтра карандаши. Мнѣ не жалко.

Три второклассника подошли вслѣдъ за Португаловымъ и попросили Серезкинаго разрѣшенія пощупать его мускулы.

Получили снисходительное разрѣшеніе. Пощупали руку, поудивлялись. Мускуловъ, собственно, не было, но товарищи были добрые, рѣшили, что рука все-таки твердая.

— Ты что, упражнялся? — спросилъ Гукасовъ.

— Упражнялся, — сказалъ Серезка.

Въ концѣ концовъ, Серезка, опьяненный славой, и самъ повѣрилъ въ свою нечеловѣческую силу.

Проходилъ второклассникъ Кочерыгинъ, уплетая булку съ икрой.

— Стой! — крикнулъ Серезка. — Отдай булку!

— Ишь—ты, какой! А я то?

— Отдай, все равно, отниму.

Кочерыгинъ захныкалъ, но, вспомнивъ о Тарарыкинѣ, вздохнулъ, откусилъ еще кусочекъ булки и протянулъ ее Серезкѣ.

— На, подависъ.

— То-то. Ты смотри у меня! Я до васъ тутъ до всѣхъ добираюсь.

Въ это время проходилъ мимо Тарарыкинъ. Увидѣвъ Серезку, онъ сдѣлалъ преувеличенно испуганные глаза и въ ужасѣ отскочилъ въ сторону. Хотя вблизи никого не было, но онъ, какъ добросовѣстный недалекій малый, считалъ своимъ долгомъ играть роль до конца.

— Боишься? — спросилъ заносчиво Серезка.

— Еще бы. Я и не зналъ, что ты такой здоровый.

И вдругъ въ Серезкину безпокойную голову пришла безумная шальная мысль... А что если... Тарарыкинъ, дѣйствительно, противъ него не устоитъ? Этотъ крохотный мальчишка такъ былъ опьяненъ всеобщей честью и восторгомъ, что совершенно забылся, забылъ объ условіи и рѣшилъ пойти напроломъ... Насытившись славою, онъ пожалѣлъ о рублѣ, а такъ какъ руки его чувствовали себя желѣзными, непобѣдимыми, то Серезка со свойственной его характеру рѣшимостью, подскочилъ къ Тарарыкину и, схвативъ его за поясъ, сурово сказалъ:

— Отдавай рубль!

— Что ты? — удивился Тарарыкинъ. — Вѣдь мы же условились...

— Отдавай! Все равно, отниму!

— Ты? Ну, это, братъ, во-первыхъ, нечестно, а, во-вторыхъ, — попробуй-ка!

На ихъ споръ собрались любопытные. Снова стали раздаваться комплименты по Серезкиному адресу.

И, не раздумывая больше, Серезка храбро устремился въ бой. Онъ подскочилъ, хватилъ изумленного и огорченного Тарарыкина по головѣ, потомъ ударилъ его въ животъ, но... Тарарыкинъ опомнился.

— Ты... вотъ какъ?

Черезъ минуту Серезка уже лежалъ на землѣ. Во рту чувствовалось что-то соленое, губа вспухла, зловѣщее красноватое пятно засіяло подъ глазомъ; оно наливалось, темнѣло и постепенно переходило въ синій цвѣтъ.....

И рухнула эта жалкая, построенная на деньгахъ, слава... Серезка лежалъ, избитый, въ пыли и прахѣ, а мстительный Кочерыгинъ, отдавшій Серезкѣ булку, подскочилъ къ Серезкѣ и дернулъ его за волосы; подошелъ Португаловъ, ткнулъ его въ спину кулакомъ и сказалъ:

— Вотъ тебѣ цвѣтные карандаши! Поросянокъ...

Уныло, печально возвращался хитроумный Серезка домой; губа вспухла, щека вспухла; на лбу была царапина, рубль пропалъ безслѣдно, дома ожидала головомойка, настроеніе было отчаянное...

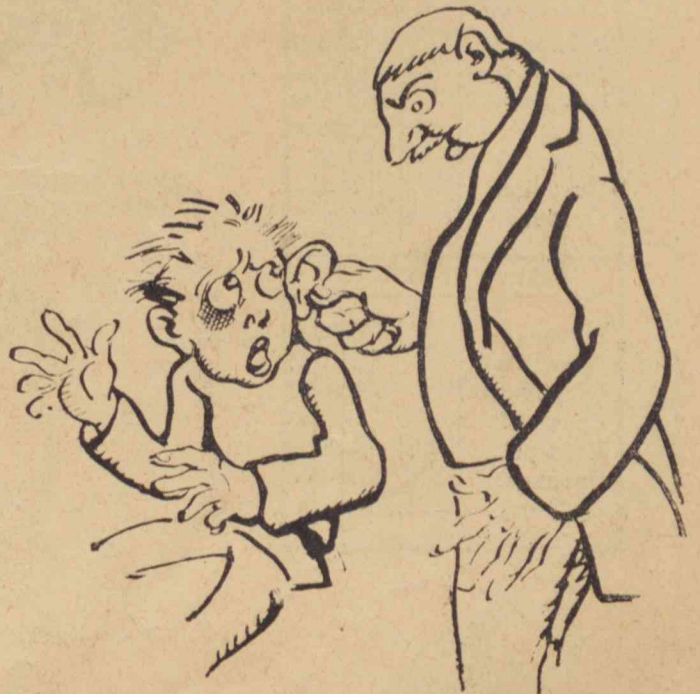
Онъ вошелъ робкій, пряча лицо въ носовой платокъ... онъ рассчитывалъ, проскользнувъ незамѣтно въ свою комнату, улечься спать... Но въ передней его ждалъ послѣдній ударъ.

Дядя поймалъ его за руку и сердито сказалъ:

— Ты что же это, мошенникъ, обманулъ меня?! Это твои стихи? Списалъ у Пушкина, да и выдалъ за свои?! Во-первыхъ, за это ты всю недѣлю будешь сидѣть дома—о циркѣ и звѣринцѣ забудь, а во-вторыхъ, — возврати-ка мнѣ мой рубль!

Сердце Серезки упало...

Аркадій Аверченко.

Годъ 1911.

ДНИ.	ИЮЛЬ.
Воскресен..	3 10 17 24 31
Понедѣльн.	4 11 18 25
Вторникъ..	5 12 19 26
Среда...	6 13 20 27
Четвергъ..	7 14 21 28
Пятница...	1 8 15 22 29
Суббота...	2 9 16 23 30

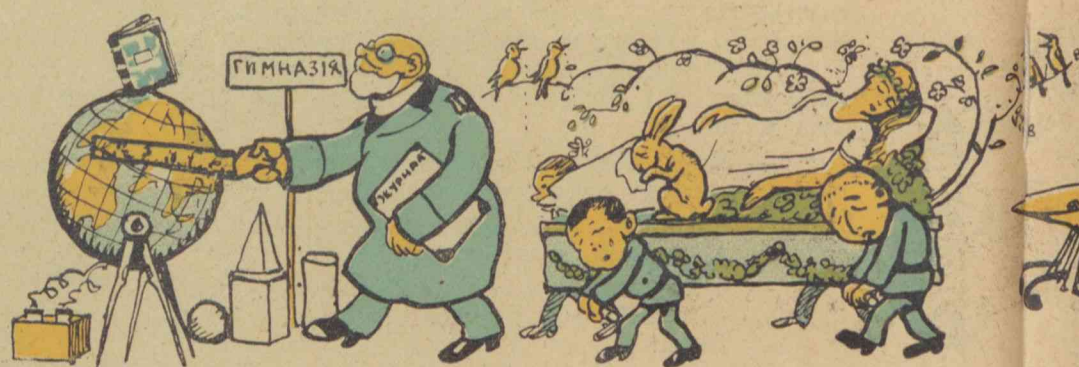
ДНИ.	АВГУСТЪ.
Воскресен..	7 14 21 28
Понедѣльн.	1 8 15 22 29
Вторникъ..	2 9 16 23 30
Среда...	3 10 17 24 31
Четвергъ..	4 11 18 25
Пятница...	5 12 19 26
Суббота...	6 13 20 27

ДНИ.	СЕНТЯБРЬ.
Воскресен..	4 11 18 25
Понедѣльн.	5 12 19 26
Вторникъ..	6 13 20 27
Среда...	7 14 21 28
Четвергъ..	1 8 15 22 29
Пятница...	2 9 16 23 30
Суббота...	3 10 17 24

ДНИ.	ОКТАБРЬ.
Воскресен..	2 9 16 23 30
Понедѣльн.	3 10 17 24 31
Вторникъ..	4 11 18 25
Среда...	5 12 19 26
Четвергъ..	6 13 20 27
Пятница...	7 14 21 28
Суббота...	1 8 15 22 29

ДНИ.	НОЯБРЬ.
Воскресен..	6 13 20 27
Понедѣльн.	7 14 21 28
Вторникъ..	1 8 15 22 29
Среда...	2 9 16 23 30
Четвергъ..	3 10 17 24
Пятница...	4 11 18 25
Суббота...	5 12 19 26

ДНИ.	ДЕКАБРЬ.
Воскресен..	4 11 18 25
Понедѣльн.	5 12 19 26
Вторникъ..	6 13 20 27
Среда...	7 14 21 28
Четвергъ..	1 8 15 22 29
Пятница...	2 9 16 23 30
Суббота...	3 10 17 24 31

«Здравствуй, мудрая наука,
Всеемлющая штука,
Та, которой сладокъ плодъ,
Вновь начнемъ съ тобою годъ!»

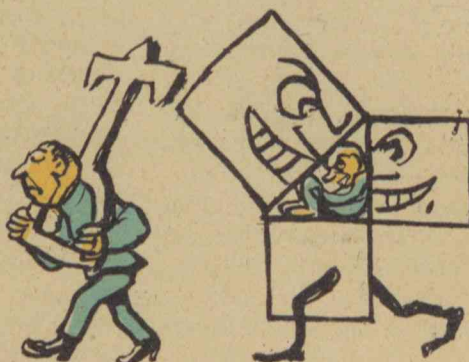
Осень. Въ рошѣ вѣтеръ стонетъ,
Плачутъ птички и звѣрьки,
Слезы льютъ ученики, —
Лѣто красное хоронять...

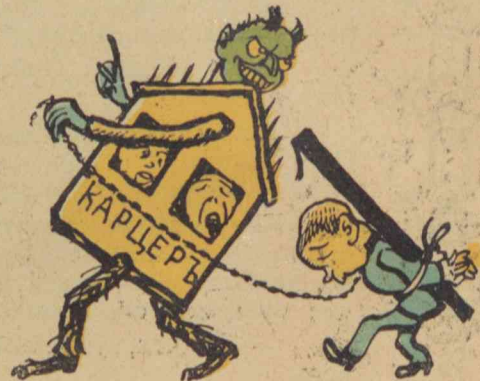
Но въ печальный этотъ мигъ
Весель первый ученикъ:
Любить онъ зубрить со вкусомъ,
Чтобъ ловить пятерки съ плюсомъ...

Но, увы, такой талантъ
Данъ не каждому отъ Бога,
И съ лѣтями диктантъ
Поступаетъ очень строго.

Нужно вѣрно раз-
ставлять
«Ни» и «не» и бук-
ву «ять», —
Эти Гротовы за-
тѣи,
Какъ хомутъ, ви-
сѣть на шеѣ!

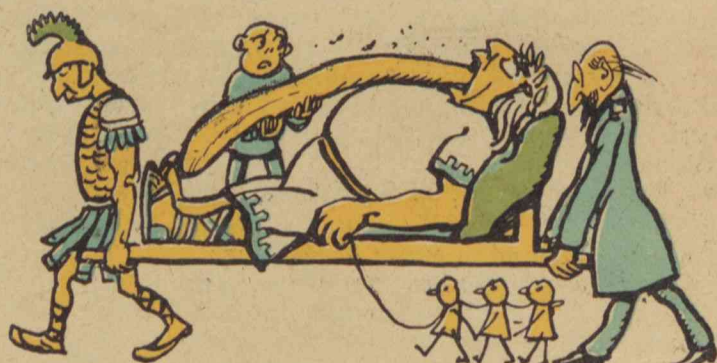
Не успѣлъ понаостриться, —
И въ журналъ — единица,
А снабженный симъ коломъ
Насидишься подъ замкомъ...

Коль набить журналъ колами,
Такъ съ запасными дровами
На Камчатку поѣзжай,
Они и зиму поджидай!

Вотъ большая переѣна!
Въ это время непременно
Надо ѣсть. За ней бѣгутъ
Переѣны въ пять минутъ.

Сколько горестей душевныхъ —
Въ языкахъ народовъ древнихъ:
Станешь грязнымъ червякомъ,
Маясь съ мертвымъ языкомъ.

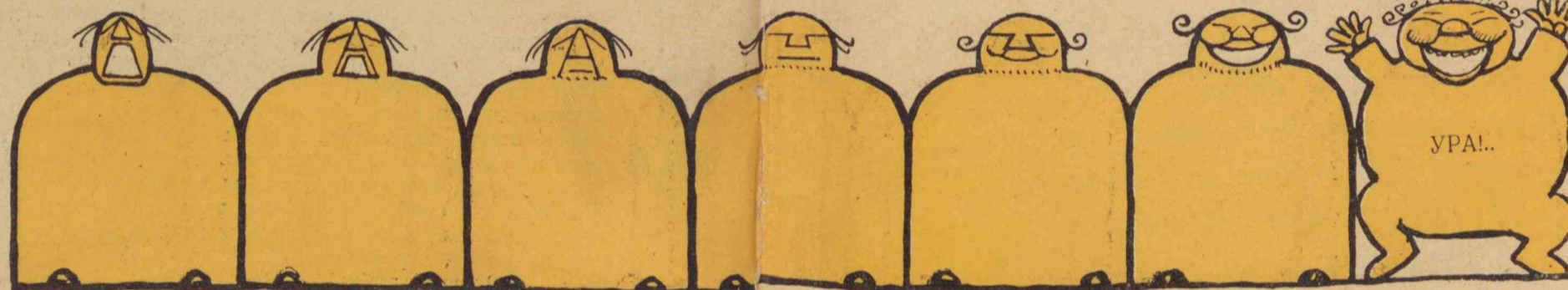

Бродишь съ трепетомъ съ опаской
По земнымъ путямъ съ указкой:
Кряжъ, рѣка, того глядишь,
Споткнешься — полетишь!

А прошелъ средь рѣкъ и горъ ты, —
Тутъ-какъ-тутъ кишатъ реторты,
За тобой, шипи, бѣгутъ,
Сѣрымъ дымомъ обдають!

Самый толщій ученикъ!
Рядомъ съ нимъ малышь шагаетъ
Первый мудрость всю постигъ,
А второй лишь начинается.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ. ВТОРНИКЪ. СРЕДА. ЧЕТВЕРГЪ. ПЯТНИЦА. СУББОТА. ВОСКРЕСЕНЬЕ.

РОСПИСАНІЕ УРОКОВЪ.

Годъ 1912.

ДНИ.	ЯНВАРЬ.
Воскресен..	1 8 15 22 29
Понедѣльн.	2 9 16 23 30
Вторникъ..	3 10 17 24 31
Среда...	4 11 18 25
Четвергъ..	5 12 19 26
Пятница...	6 13 20 27
Суббота...	7 14 21 28

ДНИ.	ФЕВРАЛЬ.
Воскресен..	5 12 19 26
Понедѣльн.	6 13 20 27
Вторникъ..	7 14 21 28
Среда...	1 8 15 22
Четвергъ..	2 9 16 23
Пятница...	3 10 17 24
Суббота...	4 11 18 25

ДНИ.	МАРТЪ.
Воскресен..	4 11 18 25
Понедѣльн.	5 12 19 26
Вторникъ..	6 13 20 27
Среда...	7 14 21 28
Четвергъ..	1 8 15 22 29
Пятница...	2 9 16 23 30
Суббота...	3 10 17 24 31

ДНИ.	АПРѢЛЬ.
Воскресен..	1 8 15 22 29
Понедѣльн.	2 9 16 23 30
Вторникъ..	3 10 17 24
Среда...	4 11 18 25
Четвергъ..	5 12 19 26
Пятница...	6 13 20 27
Суббота...	7 14 21 28

ДНИ.	МАЙ.
Воскресен..	6 13 20 27
Понедѣльн.	7 14 21 28
Вторникъ..	1 8 15 22 29
Среда...	2 9 16 23 30
Четвергъ..	3 10 17 24 31
Пятница...	4 11 18 25
Суббота...	5 12 19 26

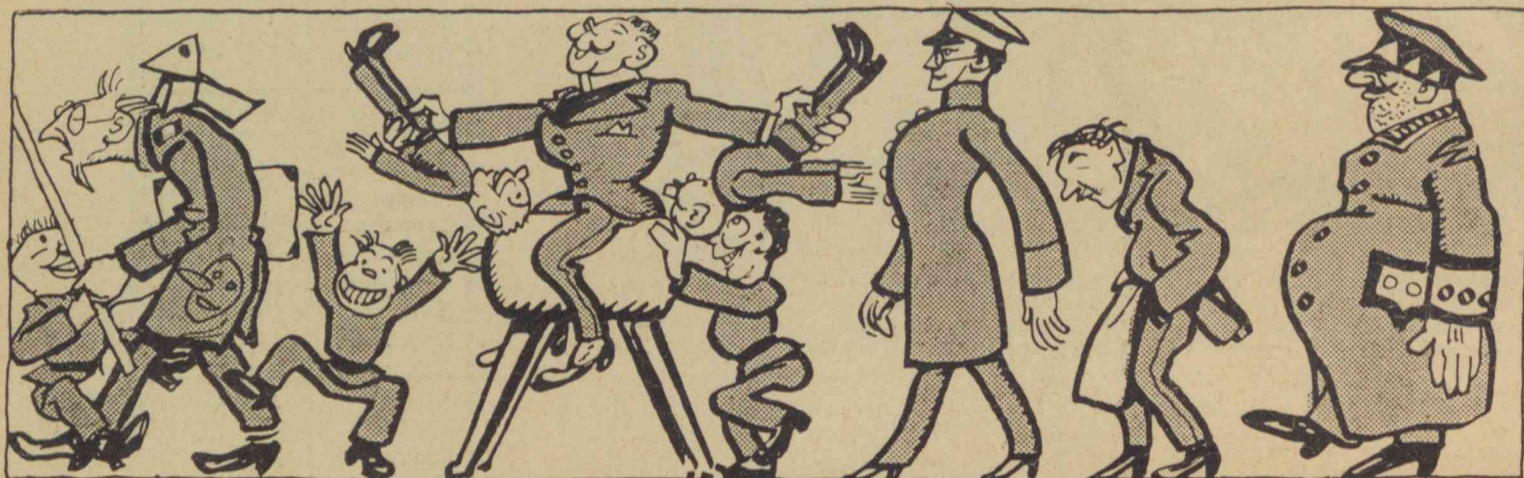
ДНИ.	ІЮНЬ.
Воскресен..	3 10 17 24
Понедѣльн.	4 11 18 25
Вторникъ..	5 12 19 26
Среда...	6 13 20 27
Четвергъ..	7 14 21 28
Пятница...	1 8 15 22 29
Суббота...	2 9 16 23 30

Историческія лица!
Отъ названій умъ кружится
Кто не аубритъ — къ тѣмъ жестоко
Хронологіи потокъ.

Нѣту въ людяхъ состраданья! —
Такъ въ часы естествознанья
Гдѣ ужъ ждать къ судьбѣ своей,
Состраданья у звѣрей!...

Лишь съ урокомъ рисо-
ванья
Прекращаются страданья.
И страдальцы, въ свой че-
редъ,
Тутъ берутся за изводъ.

А гимнастика прекрасна
Тѣмъ, что можно безопасно,
Не вредя себѣ въ баллахъ,
Походить на головахъ!

Горьки, горьки корни знанья,
Но за то, какъ сладокъ плодъ:
Кончишь—ждуть преуспѣянья.—
А не кончишь—жизнь пригнѣтъ...

Дѣти, умъ обогащайте
И гимназію кончайте,
И... швейцару невзначай,
Не забудьте дать на чай...

Антиповъ.

КЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ И ЧИТАТЕЛЬНИЦАМЪ.

Галченкокъ предлагаетъ нарисовать своимъ читате-
лямъ четыре рисунка карандашемъ или перомъ
(безъ красокъ) на слѣдующія темы:

- 1) Портретъ вашего героя или героини, и
подписать его имя.
- 2) Гдѣ онъ провелъ свое дѣтство и чѣмъ
занимался.
- 3) Что онъ больше всего любитъ и чего
больше всего боится.
- 4) Какое въ его жизни было самое инте-
ресное приключеніе.

Лучшій рисунокъ будетъ напечатанъ.

ВѢРНАЯ ПРИМѢТА.

Дѣвочка, потерявшая своего, отъ разъ спрашиваетъ
прохожихъ:

— Не видали ли вы большого дядю, который шелъ
домой безъ маленькой дѣвочки.

Въ слѣдующихъ номерахъ „Галченка“
будетъ печататься переведенный съ фран-
цузскаго большой иллюстрированный раз-
сказъ Мориса Шампаня.

„ПРИКЛЮЧЕНІЕ

ЭМИЛЯ КОРБИНА“.

ЧЕРТЯКА В ГИМНАЗИИ

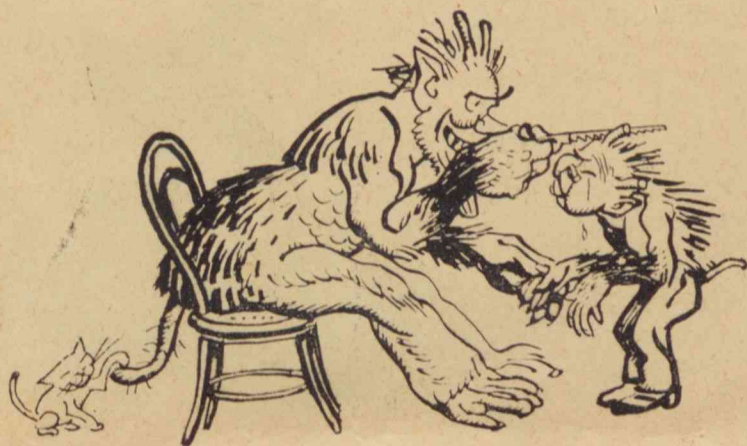

I.

Время къ осени катилось,
Про метели лѣсу снилось,
Вѣтеръ рыскалъ на поляхъ,
Шили ранцы въ городахъ.
Старый чортъ въ болотѣ крикалъ,
Звалъ къ себѣ сына Чертяку:

«Перестань баклуши бить!
Вѣдь тебя пора учить!
Есть гимназія, ты слышала?
Много оконъ, сверху крыша,
И директоръ въ кабинетѣ.
Всѣ порядочныя дѣти
По гимназіямъ сидятъ,
Парты трутъ, букварь долбятъ.»
— Я въ лѣсу хочу остаться,
Съ бѣлкой въ елкахъ кувиркаться!
Отвѣчалъ въ слезахъ Чертяка.
Дѣлать нечего, однако:

Сѣли рядышкомъ въ вагонѣ,
Подъ скамьей Чертяка стонетъ:
«Ты куда везешь меня?
Тутъ ни дерева, ни пня!»
Но отецъ въ отвѣтъ сердито:
«Подбери свои копыта!
Слезы глупыя утри,
Контролеръ идетъ, смотри!»
Вотъ пріѣхали, плетутся,
До роговъ съ копытъ трясутся,
Старый чортъ едва идетъ,
Полонъ ротъ его хлопотъ:
Подпилил онъ сыну рожки,
Ручки въ куртку, въ брючки ножки,
Хвостикъ спряталъ подъ ремнемъ—
Заспѣшили на пріемъ.
Встрѣтилъ ихъ инспекторъ лысый,
Съ видомъ самой важной крысы.
Бородою помоталъ,

Два раза пенснэ снималъ,
Воздухъ вокругъ себя понюхалъ
И, какъ громъ съ небесъ, заухалъ:
«Вашъ сынокъ изъ чертенятъ?
Черноватъ! Не будетъ взятъ!»
— Не инспекторъ, а собака,—
Забурчалъ отцу Чертяка:
— Вишь, каковская ноздря!
Мылъ да стригъ меня ты зря!—
Старый чортъ мотнулъ хвостомъ:
Былъ давно ему знакомъ
Домовой одинъ столичный.
Жилъ онъ въ пеклѣ, какъ обычно,
Но потомъ за строгій взглядъ
Вдругъ въ инспекторы былъ взятъ.
Вотъ къ нему пойти! Онъ свой,—
Петръ Ивановичъ Домовой.

С. Городецкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

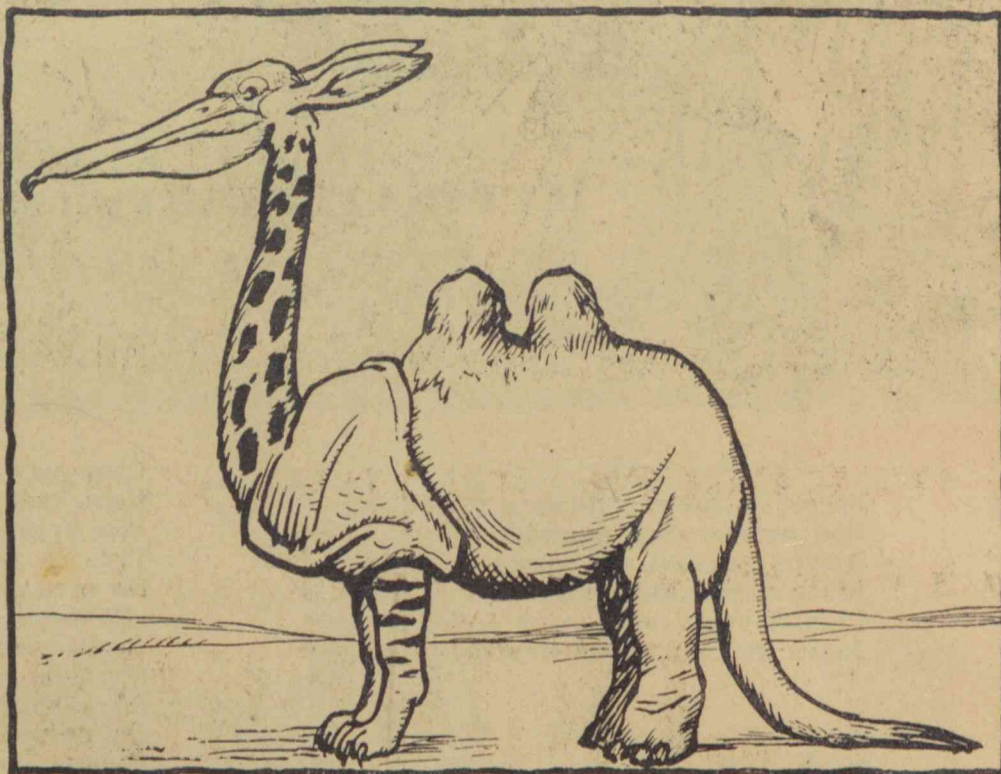
КОНКУРСЪ № 1 (ПЕРВАЯ СЕРІЯ).

Это фантастическое животное составлено изъ разныхъ частей другихъ животныхъ.

Определите, какому настоящему животному принадлежит каждая часть этого животного?

Во второмъ и третьемъ номерѣ Галченка будутъ помѣщены рисунки такого же типа (первая серія).

Рѣшившій вѣрно всѣ три рисунка (первая серія) получитъ номера Галченка за 1912 г.

О Б О В С Е М Ъ.

СИЛА ВОДЫ.

Въ настоящее время на нѣкоторыхъ заводахъ машины приводятся въ движеніе силою воды, а не пара.

Изъ резервуара, находящагося на высотѣ около 600 аршинъ, вода отводится по дюймовой трубкѣ внизъ, на фабрику. Откроемъ теперь кранъ этой трубы: струя будетъ бить вверхъ съ такою силою, что при ударѣ о нее переломится наилучшій стальной клинокъ. Если вода будетъ падать съ большей высоты, то отъ струи будутъ отскакивать, какъ отъ стальной брони и ядра самыхъ большихъ пушекъ. («Universum»).

Тѣсняемые со всѣхъ сторонъ европейцами, индѣйцы, мало-по-малу вымираютъ, и скоро, навѣрное, совсѣмъ исчезнутъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ ихъ осталось нѣсколько десятковъ тысячъ, живущихъ на отведенномъ имъ мѣстѣ, называемомъ Индѣйской территоріей, гдѣ большинство изъ нихъ мирно обрабатываютъ землю, а дѣти ихъ ходятъ въ школы, какъ и у насъ.

Вотъ портреты двухъ маленькихъ воиновъ въ праздничныхъ одеждахъ: маленький Олень и Сова, племени сіу, которое когда-то наводило ужасъ на бѣлыхъ. («Der gute Kamerad»).

СКОЛЬКО ЧЕЛОВѢКЪ ИЗНАШИВАЕТЪ САПОГЪ.

Врядъ ли кто-либо изъ вастъ читателей, подумалъ о томъ, сколько онъ, вообще, за всю свою жизнь износить обуви. Представьте себѣ, что изъ кожи всѣхъ сапогъ, которые только человекъ износить, какой-нибудь ловкій сапожникъ сшилъ, изъ любопытства, одну огромную пару. Каждый такой сапогъ-великанъ будетъ имѣть въ длину, по крайней мѣрѣ, два аршина, и взрослый человекъ надѣвъ ихъ, будетъ имѣть видъ мальчика-съ-пальчика, надѣвшаго сапоги великана.

(«Der gute Kamerad»).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ на дѣтскій иллюстрированный журналъ „ГАЛЧЕНОКЪ“

„ГАЛЧЕНОКЪ“ будетъ выходить ЕЖЕНЕДѢЛЬНО и печататься въ нѣсколько красокъ, при ближайшемъ участіи слѣдующихъ сотрудниковъ:

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ: Аркадій Аверченко, В. Азовъ, Б. Верхоустинскій, Максимъ Горькій, Сергій Городецкій, А. И. Купринъ, В. Князевъ, Г. Ляндау, К. Микъ, П. П. Потемкинъ, Алексѣй А. Радаковъ, гр. А. Толстой и др.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ: Александръ Н. Бенуа, И. Билибинъ, М. Добужинскій, А. Радаковъ, Ре-Ми, А. Юнгерь, А. Яковлевъ; Франція—Делавъ (Delaw) и г. Карлегль (Carlégles), Германія—Маудеръ.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ: Профессоръ А. К. Лядовъ, В. Г. Каратыгинъ.

НАУЧНЫЙ ОТДѢЛЪ: А. Сахаровъ.

Полный списокъ сотрудниковъ будетъ опубликованъ въ скоромъ времени.

Цѣна номера въ розничной продажѣ 10 коп.

ТРЕБУИТЕ У ВСѢХЪ ГАЗЕТЧИКОВЪ, ВЪ КЮСКАХЪ И НА СТАНЦІЯХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ.

Цѣна съ пересылкой и доставкой:

На 1 годъ — 5 руб. —
„ 6 мѣс. — 2 „ 50 к.

На 3 мѣс. — 1 руб. 50 к.
„ 1 „ — 50 к.

ПРЕМІЯ ГАЛЧЕНКА ЗА 1912 г.:

Большой альбомъ съ иллюстраціями и виньетками въ краскахъ:

1) Боба Сквозняковъ и его изумительныя приключенія (для дѣтей отъ 9—11 лѣтъ).

2) Борисъ Сквозняковъ въ дурномъ обществѣ (для дѣтей отъ 11—14 лѣтъ). Текстъ въ стихахъ и прозѣ.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1912 г. ВЫЙДУТЪ СЛѢДУЮЩІЕ СПЕЦІАЛЬНЫЕ НОМЕРА: 1) Игрушки, 2) дѣтскій театръ, 3) о животныхъ, 4) господинъ Подлежащее и госпожа Сказуемое, ихъ жизнь и ихъ знакомые, 5) о старомъ городѣ, 6) о сушѣ и морѣ, 7) весна, лѣто, осень, зима, 8) экзамены, 9) пасхальный, 10) рождественскій, 11) 1912 годъ и 12) игры.

Редакторъ: А. А. Радаковъ.

Издатель: М. Г. Корифельдъ.

Адресъ редакціи: Литейный пр., д. 57. Гл. Контора: СПБ., Фонтанка, 80.

ОПТИЧЕСКИЕ ОБМАНЫ.

Всѣ вы прекрасно знаете пословицу: «не вѣрь чужимъ ушамъ, а вѣрь своимъ глазамъ.» Это, конечно, очень хорошій совѣтъ, потому что чужія уши часто слышатъ такое, чего на самомъ дѣлѣ никогда не было; но и «своимъ глазамъ» тоже нельзя вѣрить вполнѣ, потому что очень часто они насъ могутъ ввести въ такой обманъ, въ какой не введутъ и «чужія уши». Съ однимъ изъ такихъ обмановъ зрѣнія, или, какъ говорятъ, оптическихъ обмановъ, вы, конечно, хорошо знакомы и не разъ получали благодаря ему удовольствіе: это—кинематографъ, дающій вамъ возможность видѣть на экранѣ живыхъ людей и животныхъ, постоянно движущихся, мѣняющихъ не только свои позы, но даже и выраженіе лица. Тѣ изъ васъ, которые видѣли кинематографическую ленту, знаютъ, что она состоитъ изъ ряда отдѣльных фотографій, на которыхъ находятся, конечно, неподвижныя фигуры людей и животныхъ, и если мы видимъ ихъ на экранѣ въ движеніи, то это только благодаря одному изъ особенностей нашего глаза.

Разсмотримъ нѣкоторые изъ оптическихъ обмановъ и попробуемъ потомъ объяснить, отчего они происходятъ.

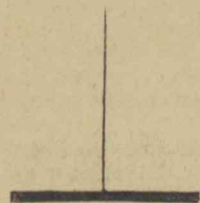

Рис. 1.

А. Величина линій. На рисункѣ 1 мы видимъ 2 линіи: вертикальную и горизонтальную, изъ которыхъ первая кажется намъ болѣе длинной; смѣрьте ихъ и вы увидите, что онѣ равны. На рис. 2 вы видите 3 угла, вершины которыхъ А, В и С; каждый изъ васъ скажетъ, что отъ А до В ближе, чѣмъ отъ В до С; смѣрьте эти разстоянія, и вы увидите, что они равны.

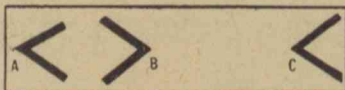

Рис. 2.

На рисункѣ 3 вы видите 3 фигуры, изъ которыхъ самой большой намъ кажется третья; смѣрьте, и вы увидите, что она—самая маленькая, самая же большая—первая! Вотъ, на рисункѣ 4 лежатъ 2 куса обола колеса; каждый изъ васъ скажетъ, что нижній кусокъ больше; возьмите полоску прозрачной бумаги, наложите ее на одинъ изъ ободковъ, обведите контуръ карандашомъ и перенесите на другой ободокъ, вы убѣдитесь, что оба куска обола—равны. На рисункѣ 5 вы видите 2 квадрата: чернѣй и бѣлый, и послѣдній кажется вамъ больше; смѣрьте, и вы убѣдитесь, что они равны.

Рис. 3.

В. Искривленіе линій. На рис. 6 вы видите 2 группы линій: А и В; въ первой группѣ разстояніе между линіями кажется шире въ серединѣ и уже къ концамъ, во второй—наоборотъ, такъ что линіи ab и cd кажутся въ сере-

динѣ—сломанными. Возьмите линейку, и вы убѣдитесь, что всѣ 4 линіи—прямая, и разстоянія между ними не мѣняются. На рис. 7 рядъ линій, наклоняющихся

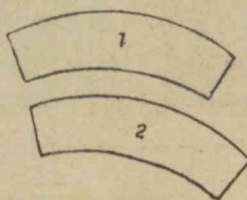

Рис. 4.

Рис. 5.

то влѣво, то вправо; возьмите линейку, и вы убѣдитесь, что всѣ эти линіи параллельны между собою. На рис. 8 вы видите четырехугольникъ, у котораго

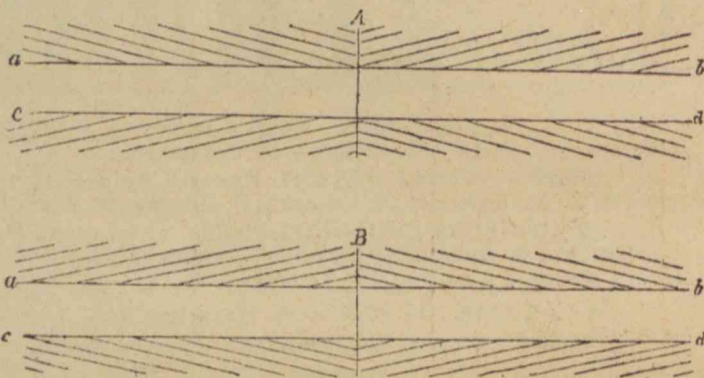

Рис. 6.

верхній правый уголъ прямой, а нижній лѣвый—острый; возьмите транспортиръ или циркуль, и вы убѣдитесь, что этотъ четырехугольникъ—точный

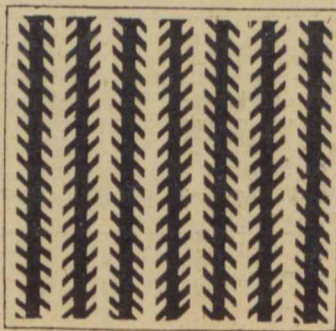

Рис. 7.

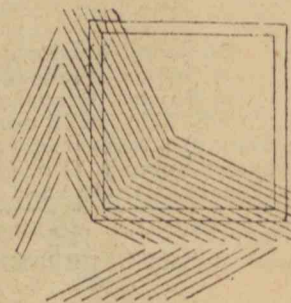

Рис. 8.

квадратъ. На рис. 9 вы видите цѣлую группу кривыхъ линій, вложенныхъ одна въ другую. Возьмите циркуль, и вы убѣдитесь, что эти линіи—математически-точные окружности. Точно такъ же на рис. 10 вамъ представляется кривая линія, которая въ дѣйствительности есть кругъ.

С. Перерывъ линій. На рис. 11 широкая черная полоса пересѣкаетъ 2 тонкія линіи; если у васъ спросятъ, какая изъ 2 правыхъ линій продол-

жасть лѣвую: верхняя или нижняя, то вы, навѣрное, скажете, что нижняя, и только взявъ линейку, убѣди-

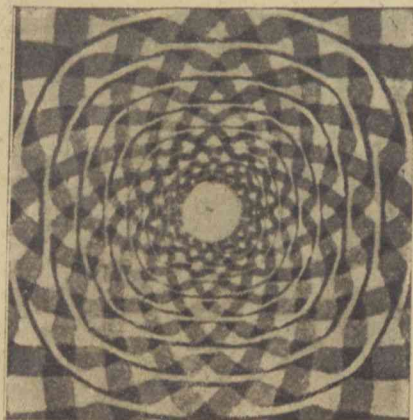

Рис. 9.

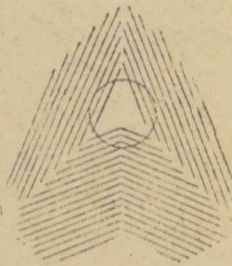

Рис. 10.

тесь, что продолженіемъ служить верхняя. Точно такъ же, если бы вамъ показали рис. 12 и спросили, встрѣтятся ли при продолженіи лѣвья дуги концы правыхъ, то вы бы, конечно, сказали — нѣтъ; но, поставивъ ножку циркуля въ точку К и проведя радіусами КЕ и КФ дуги, вы убѣдились бы въ против-

Рис. 11.

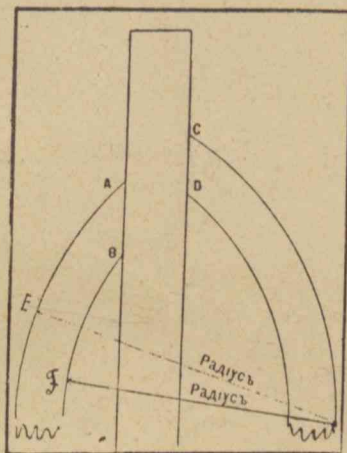

Рис. 12.

номъ. Если бы у васъ спросить, что представляютъ собою линіи на рис. 13, вы бы, безъ сомнѣнія, сказали:

Рис. 13.

спирали, и только циркуль убѣдилъ бы васъ въ томъ, что эти линіи—круги.

А. Сахаровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Рисунки этой статьи заимствованы во 1-хъ) изъ курса опытной физики О. Д. Хвольсона, ч. I; 2) изъ книжки „Опытная наука“, Д. Голкина, и 3) изъ книги Е. И. Игнатьева: „Въ царствѣ смекалки“, ч. II и III. Рекомендуемъ нашимъ читателямъ превосходныя книги „Въ царствѣ смекалки“ ч. I—III, въ которыхъ они найдутъ массу очень интереснаго матеріала.

Открылась четвертая (послѣдняя) сессія Государственной Думы.

16 октября исполнилось 50 лѣтъ, со дня кончины извѣстнаго русскаго поэта Ивана Саввича Никитина. — И. С. Никитинъ родился въ г. Воронежѣ, въ 1824 г. У отца былъ свѣчной заводъ и лавка, на самомъ бойкомъ торговомъ мѣстѣ. Восьми лѣтъ, мальчикъ поступилъ въ духовное училище, а оттуда въ воронежскую семинарію. Онъ уже собирался поступить въ университетъ, когда его отецъ разорился и запылъ, и молодому Никитину пришлось стать за прилавокъ. Но дѣла шли все хуже и хуже, такъ что ему, наконецъ, самому пришлось заняться постояннымъ дворомъ, купленнымъ послѣ разоренія. Здѣсь онъ, вмѣсто дворника, отпускалъ извозчикамъ овесъ и сѣно, бѣгалъ въ кабаки за водкой и нерѣдко самъ стряпалъ. Въ промежуткахъ между работой писалъ стихи, которые и были напечатаны въ мѣстной газетѣ. Извѣстность Никитина все росла и распространялась и за предѣлы Воронежа. Затѣмъ, на него обратилъ вниманіе гр. Д. Ф. Толстой, издававшій его стихотворенія, съ восторгомъ встрѣченныя всѣми. Доброжелатель поэта, В. А. Кокоревъ, помогъ ему исполнить свое давнишнее желаніе — открыть книжный магазинъ. Положеніе его стало улучшаться. Но въ это время, неизлѣчима болѣзнь свела его въ могилу, въ 1861 г. — И. С. Никитинъ, — главнымъ образомъ, поэтъ людской нужды, людского горя. Почти всѣ его произведенія проникнуты чувствомъ глубокой, неотвязчивой тоской. Лучшимъ его произведеніемъ считается поэма «Кулакъ».

Возникшая между Турціей и Италіей война затягивается. Всѣ преимущества, повидимому, были на сторонѣ итальянцевъ, у которыхъ флотъ гораздо сильнѣе турецкаго. Послѣ непродолжительной бомбардировки эскадрой столицы Триполи, итальянскія войска заняли городъ. Послѣ занятія Триполи, турки отступили въглубь страны и тревожатъ теперь непріятеля, совершая набѣги на его аванпосты. Въ настоящее время итальянцы поспѣшно перевозятъ въ Африку подкрѣпленія, чтобы двинуться въ центръ страны. Въ то же время итальянскій флотъ потопилъ нѣсколько турецкихъ пароходовъ. Къ довершенію всѣхъ ужасовъ войны, въ рядахъ обѣихъ армій вспыхнула холера, уносящая ежедневно сотни жертвъ.

Въ Китаѣ, возставшіе продолжаютъ одерживать побѣды надъ войсками богдыхана. Мятежники овладѣли уже Нанкиномъ, Кантономъ и Шанхаемъ, который сдѣлался ихъ главной квартирой, и теперь медленно приближаются къ Пекину. Въ Мексикѣ сильное землетрясеніе разрушило 4 города въ провинціяхъ Сонора и Южной Калифорніи. Много человѣческихъ жертвъ.

Я очень прошу васъ, дорогіе читатели, не бояться затруднять меня, и присылать мнѣ свои стихотворенія, рассказы и рисунки, т. к. лучшіе изъ нихъ я напечатаяю. Задавайте мнѣ вопросы, спрашивайте меня о вещахъ, васъ интересующихъ. У меня есть редакторъ, а у него помощники, которые всегда отвѣтятъ вамъ въ почтовомъ ящикѣ на ваши вопросы. Не забудьте только точно написать вашъ адресъ.

Галченко.

Редакторъ: А. А. Радаковъ.
Издатель: М. Г. Корнфельдъ.

НОВЫЙ ГОСТЬ.

— Позвольте представиться — Галченко! И я очень прошу вас, многоуважаемые, любить меня и жаловать!